

**«Интеллигенции нужно
научиться думать самой и
не быть партийной»**

Беседа с Фридрихом Горенштейном

Мягким человеком Фридриха Горенштейна, судя по всему, не назовешь. Когда я пришла к нему в гости, он был особенно неприветлив, потому что недавно у него умер кот. Живет Фридрих в мрачном районе Берлина, где раньше располагались учреждения СС.

Беседа мне показалась неудачной: слишком уж хозяин воспринимал каждый вопрос в штыки, слишком уж часто гостю хотелось возражать хозяину. Наконец, когда мы оба выдохлись, Горенштейн принес альбом-календарь на 2000 год. Он оказался рисованным от руки — художница Ольга Юргенс сделала имитацию семейного альбома с фотографиями и подарила Фридриху на Новый год «Детство, которого не было». Этот подарок показался мне актом великого сострадания и понимания, граничащего с жестокостью. Я знала, что отца человека, сидящего передо мной, расстреляли в 37-м, что мать с ребенком несколько лет скрывалась от сталинских ищеек, работая в провинции по подложным документам, а потом, спасая сына уже от наступавших немцев, замерзла насмерть в теплушке, и с девяти лет домом Горенштейна был детский дом. Но когда я увидела эти «фотографии»: мальчик с мамой и папой за праздничным столом, перед тортом со свечками, мальчик у нарядной елки с подарками, мальчик с папой на рыбалке, на катке, мама читает ему книжку, мама и папа идут с ним на демонстрацию... — тут уже все во мне перевернулось, и только что услышанные слова приобрели не то чтобы другую окраску, но некоторое объяснение. Я хотя бы перестала удивляться, что писатель, сидящий на диване в камуфляжной футболке и широченных подтяжках, ведет себя так, словно кругом враги...

— Фридрих, почему вы решили уехать из России?

— Многие думают, что из-за известного скандала с «Метрополем», но на самом деле к этому времени у меня на руках уже были все документы. Я уехал из-за общей обстановки, мне не давали жить два врага — правительство и либеральная интеллигенция. Я сам давно догадался, а теперь стало окончательно ясно, что это была кампания. В России меня и сейчас не издают, не рецензируют, будто меня нет. Нет — и не надо. Я издаюсь в маленьком издательстве «Слово» в Нью-Йорке, книги хорошо продаются. Думаю, что и в России продавались бы (хоть Евгений Попов и сказал мне, что раз не издают, значит, нет потребности). Моя пьеса «Петр I» идет в двух консервативных театрах — в Александринке в Петербурге и в Малом в Москве, остальные пьесы не идут нигде.

Шестидесятники — милые люди, но они сами организуют свой успех. Отнять у меня книги они не смогли, а время и силы — да. Они милые люди, но им надо, чтобы они всегда были первые, а ты — за ними. Помню, один итальянец, ассистент Антониони, мне сказал: в кино побеждает не тот, кто лучше, а тот, кто первый приходит. Они привыкли все валить на советскую власть — а разве она на них не распространяется? Разве не при ней они сделали карьеру?

— Но ведь и вы — тоже при ней?

— Да, восемь книг по-французски, десять — по-немецки, да еще Максимов в «Континенте» меня любил. А на русском книг не издавали.

— **Извините за нескромный вопрос: на что вы живете?**

— Раньше на гонорары, иногда на стипендии; один раз хорошо заработал в Италии — написал сценарий, хоть фильм и не пошел. Стипендии мне давали не эмигранты, а немцы, да и все заработки не от эмигрантов — от немцев, от французов. Кое-что приносят выступления. Теперь у меня появилась рента — за преследования при нацизме: я получил от Красного Креста подтверждение, что в 1942 году находился в оккупации.

— **В одной из ваших книг есть рассуждение об интеллигенции, что она любит находиться в положении человека, стоящего на табуретке с петлей на шее. Вы и сейчас так думаете?**

— Это только одна сторона дела. Главное то, что интеллигенция у нас партийная. Еще в 1981 г. я написал заметку «Чехов и мыслящий пролетариат» — она во многом проецирует на наше время. Эта футлярность, о которой писал Чехов, — она и сейчас есть. Приходят разные люди — а говорят одно и то же, меня это глубоко возмущает. Их идеи — это обратная сторона государственных дел. Все мыслят хором. Сферы влияния разделены между коммунистами и демократами — и все. В этом главная беда, Россия от этого задыхается. Правозащитное мышление тоже отталкивает от тоталитаризма.

И еще не надо идеализировать все западное, это главная беда последних лет. Запад тоже ведет себя ужасно: включил в свой круг фашистскую Латвию, празднующую дни СС. Они выступают сами против себя, как в 30-е годы, но напиши об этом — никто не опубликует. Массовая многомиллионная интеллигенция ужасна везде — и здесь тоже. Но отдельные люди есть. Здесь тоже было движение против бомбардировок НАТО, только ему не дали слова.

Но с Запада надо брать пример — здесь существует взаимоконтроль ветвей власти, это главное: демократия — это и есть хороший контроль.

— **Вы профессиональный киносценарист, расскажите немного о вашей работе в кинематографе.**

— Это отраженный свет, деньги, но не авторитет. С Тарковским мы делали «Солярис», работалось с ним неплохо. Я его знал с 1963 г., отношения у нас были тесные, но мы и ссорились, и не разговаривали подолгу. Если бы он не умер, мы должны были делать «Гамлета».

Я работал с разными режиссерами, делал с Михалковым «Рабу любви», намучился с Михалковым-Кончаловским — не могу работать с режиссером, который мне сопротивляется. Михалков-Кончаловский сделал много плохих фильмов, но, между прочим, его фильм про Сталина — «Ближний круг» — замечательный, оставшийся недооцененным. Так вот, с Тарковским было неплохо. В «Солярисе» он все сделал, как я хотел. Там есть изумительный эпизод — Дон-Кихот в читальном зале, — такая появляется библейская духовность. И вообще у Тарковского много неудач, но это неудачи Тарковского (так же, как неудачи Феллини — это неудачи Феллини).

— **Религиозные проблемы для вас существуют?**

— Да. Церковь обманывает народ в толкованиях — обманывает по-марксистски.

— **У вас есть ощущение, что мы живем в конце христианской эпохи?**

— Статистика гласит, что нет. А ощущение такое, что весь мир безрелигиозен. Ортодоксальные, застывшие течения — национал-исламизм, иудаизм — до сих пор ведут борьбу с назаретским движением. И христианство вело себя ужасно. Вся религия находится в состоянии морального регресса, которым сопровождается технический прогресс.

— **Каким вам видится будущее России?**

— Я вижу, что мир не может держаться на хорошем и на плохом, он должен держаться на равновесии. По моему мнению, Россия должна быть сильным свободным государством, в союзе с Белоруссией и Украиной — в противовес НАТО. Сейчас в разбалансированном мире остался один Рим, одна сверхдержава.

— **А что же, должно быть два Рима? Разве мы не знаем уже, как мрачно выглядит такое противостояние?**

— Нужен устойчивый, сбалансированный мир. Если Америка останется одна, она будет всех держать. Россия не должна разваливаться: дух находится в теле, не будет прочного тела — не будет духа.

— **Вы, конечно, не связываете этот самый дух с интеллигенцией?**

— Чехов не зря ее осмеивал. Все эти понятия: интеллигенция, демократия, свобода слова, борьба за мир — абстрактные понятия. Демократия опаснее автократии, когда она гнилая, как рыба.

Прежде всего нужно выбросить из головы элементы диссидентского сознания.

— **Перестать противостоять власти, даже несправедливой?**

— Это в каждый момент нужно решать особо.

— **А сейчас?**

— В борьбе за укрепление государства противостоять власти не надо, в борьбе со злоупотреблениями — надо.

— **Жаль только, что большинство злоупотреблений как раз и вершатся под предлогом укрепления государства.**

— Интеллигенции нужно научиться думать самой и не быть партийной. Есть люди разумные — Леонид Баткин, например. Или Сахаров — но написал же он утопическую конституцию. «Беда, коль сапоги начнет тачать пирожник» — каждый должен заниматься своим делом.

— По-моему, идеальная конституция — вещь полезная, она — камертон, она будит лучшие устремления...

— Человек — существо низкое, Господь не доверял человеческой природе — вот и нужно исходить из того, что человек несовершенен, что он будет развиваться в худшем направлении.

— И заранее строить для всех тюрьму?

— И дома, и законы должны быть с необходимым запасом прочности. А интеллигенцию нельзя выделять, она связана со всеми остальными тысячью нитей. Нужно говорить об индивидуальном интеллигенте, а не о массовом.

Приходится исходить из дурного. Первым рожденным человеком был Каин, убийца, это необходимо понимать. Куда ни глянь, подтверждения этому — повсюду. Взять хотя бы Толстого и Достоевского: один атеист, который хотел верить, другой — злой, который хотел быть добрым, — на этом держится все их творчество.

Недавно я выступал в Париже по радио анархистов; анархия, конечно, лучше всего, но из нее ничего не получится, она противоречит человеческой природе. Человек изначально грешен, поэтому его необходимо ограничивать законом.

Беседовала
ТАТЬЯНА ВОЛЬТСКАЯ

Берлин — Санкт-Петербург

© "Русская мысль", Париж,
N 4328, 27 июля 2000 г.
